

Научная конференция
Ломоносовские чтения
МГУ имени М.В. Ломоносова
Апрель 2016

Секция филологических наук
Подсекция:
«Современная русская литература постсоветского пространства»

К.К. Султанов

Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования

Аннотация: В статье рассматриваются концептуальный сдвиг от русского как «языка межнационального общения» к русскому как языку самовыражения в национальных литературах и осознанность выбора русскоязычия, воспринятого не только в контексте межкультурной коммуникации, но и как имманентный фактор национально-литературного самоопределения.

Уместно говорить об опыте взаимооткрытия креативных возможностей: русский язык, находясь в иной национально-культурной семиосфере, не может не вбирать в себя новые краски и смысловые интенции и, с другой стороны, русскоязычная национальная (казахская, азербайджанская, татарская, калмыцкая и др.) литература не может не обновлять горизонт миропонимания, находясь в сфере действия одного из мировых языков и существенно расширяя масштаб читательской аудитории.

Обращение к речевым формам другого языка, сам факт свободного выбора языковой идентичности не отменяют проблематику самоидентификации, столь важную для каждой национальной литературы. Методологический спрос на предметное изучение литературного русскоязычия на постсоветском пространстве возрастает, требуя большего внимания к вариативности национальных литературных практик.

Ключевые слова: ментальность, творческая идентичность, креативный потенциал, культурное пограничье, самоидентификация, формы самовыражения

Abstract: The article deals with the conceptual shift from Russian as «the language of interethnic communication» to the Russian language as a means of self-expression in national literatures in a result of deliberate choice, because Russian language is not the means of intercultural communication, but the immanent factor for the setting of the national identity.

It is appropriate to talk about the opening of new creative possibilities both for the Russian language, which exists in the diverse national-cultural spaces, and consequently absorbs the new meanings and semantic tones, and the Russian-speaking national (Kazakh, Azerbaijani, Tatar, Kalmyk, and others.) writers that broaden their horizons and attract new readers.

Appeal to the speech forms of another language, the free choice of language not override the problems of identity, so important for each of the national literature. The necessity for objective study of works of Russian-speaking writers of the former Soviet Union is increasing, requiring greater attention to the variability of national literary practices.

Key words: mentality of nation, identity of creative person, creative potential, cultural borderlands, self-identity, means of self-expression

Начнем с формулировки вопроса, ответом на который должен стать предлагаемый доклад: «Творчество на неродном языке – расширение диапазона возможностей национальной литературы или разрыв с “материнской” культурой?»

Мы рассматриваем русскоязычную национальную, т. е. нерусскую, литературу или русскоязычный текст этнически нерусского автора, опираясь на два основополагающих тезиса: принцип, или презумпция, равноправия языков самовыражения и русскоязычие как фактор национально-литературного самоопределения.

В недавно полученном мною приглашении на конференцию «Творчество Олжаса Сулейменова и вопросы национального самосознания» была указана проблематика предстоящего обсуждения, но никак не был сформулирован вопрос о русском языке казахского поэта. Иначе говоря, его обращение к русскому языку специально не проблематизируется, исходя, видимо, из того, что это обращение настолько органично, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Неоднократно и определенно отстаивая особый статус русского языка, О. Сулейменов говорил о нем как неотъемлемой части родной культуры – этот подход достаточно популярен в культурной практике центральноазиатских государств.

Не стоит, однако, недооценивать при этом позицию апологетов националистически ориентированной концепции, которые традиционно оценивают русскоязычие как рецедив былого колониализма. Эта тенденция формируется в рамках более широкой интерпретации и политизации этногенеза, когда во главу угла ставятся конструирование нарратива о великих предках, хронологическое удлинение национальной истории, поиск древней прародины и прародителей (Маргиана, Парфия, уходящие вглубь веков, саки, массагеты и т. п.), борьба за приоритетное приобщение к престижному «арийскому наследию» или столкновение пантюркистской и славяно-арийской версий после открытия Аркаима – древнейшего городища в Челябинской области эпохи средней бронзы рубежа III–II тыс. до н. э., объявленного центром арийства.

Тем не менее можно констатировать концептуальный сдвиг от русского как «языка межнационального общения» к русскому как языку самовыражения, востребованность которого никак не связана с директивной установкой и продиктована исключительно творческими соображениями. Чувство приобщенности к сообществу русскоговорящих независимо от ареала их проживания позволяет примирить советское – как прошлое и национальное – как настоящее, тем самым преодолевая возникший после распада СССР негативный эффект отчуждающей культурной дистанции.

Принципиальный признак русскоязычия – единственность языка творчества. Раньше в ходу была как бы оправдывающая писателей билингвистическая оговорка: Ч. Айтматов писал на русском, но первые повести создавал на киргизском языке, Э. Капиев начинал на лакском языке, Ю. Рытхейу – на чукотском, Ф. Искандер писал на русском, но знал абхазский язык.

Русскоязычие – это осознанный выбор языка самовыражения независимо от того, родной он или нет. Изданная в Риге антология «Латышская / русская поэзия: стихи латышских поэтов, написанные на русском языке» (2011) – это не русскоязычная латышская литература, а русские стихи латышских поэтов. Если прислушаться к признанию А. Имерманиса, то можно называть его русскоязычным латышским поэтом: он, как оказалось, всегда считал себя русским поэтом, но вынужден был оригинальные стихи на русском печатать как «переводы» несуществовавших латышских текстов.

Последняя книга Я. Каплинского «Белые бабочки ночи» (2014) вышла на русском языке, хотя он всегда писал стихи только на эстонском языке, но и здесь перед нами русские стихи эстонского поэта, а не русскоязычная эстонская литература. Русскоязычную казахскую литературу представляет не только О. Сулейменов: алма-атинский поэт И. Полторацкий утверждает, что в Казахстане вся современная казахская поэзия русскоязычная. Русскоязычная туркменская литература – это, к примеру, А. Вельсапар, который эмигрировал в Швецию и там написал роман на русском языке. Русскоязычная азербайджанская литература – это «Шестой этаж пятиэтажного дома» Анара, «День казни» Ю. Самедоглы, «Звук свирели» И. Гусейнова, «Магомед, Мамед, Мамиш» Ч. Гусейнова. Добавим к этому современную постмодернистскую национальную литературу с ее контаминацией «высоких» и «низких» жанров и гибридными жанрово-стилевыми моделями: гипертекст-роман, роман-антимиф, роман-притча, кинороман и т. д.

Ощущение некоторой недосказанности оставляет статья Т. Колмогоровой «Этнокультурное своеобразие картины мира». Она открывается дотошным выяснением этнической принадлежности каждого из пяти среднеазиатских русскоязычных авторов: русско-узбекское происхождение А. Торка, он же А. Ниязов (отец узбек, мать русская, крестившая сына; родился в Таджикистане, живет в Кыргызстане), Е. Абдуллаев, принадлежность которого узбекско-еврейская, но и он принял православие и преподает в Ташкентской духовной семинарии, И. Одегов – русский из Алматы, принявший ислам.

Герои их произведений, как и сами сочинители, пребывают на границе культур, этносов, конфессий (популярна тема обращения в другую веру – в рассказе С. Янышева «Зоя-Зумрад» Зумрад становится «Зоей во Христе»). Повествователь в рассказе «Проснуться в Ташкенте» Е. Абдуллаева аттестует себя как «продукт советской межнациональной алхимии».

Автор не критически поддерживает предложенную в манифесте «Ташкентской поэтической школы» концепцию полукровства как новой «микрорасы» со своим особым менталитетом¹. Некритически в том смысле, что никому в голову не приходило выделять, например, эфиопский или турецкий компоненты семейного этногенеза А. Пушкина и В. Жуковского (мать турчанка), чтобы от-

¹ Колмогорова Т. Этнокультурное своеобразие картины мира // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 274, 262–263.

нести их к «микрорасе» и приписать им особый менталитет, всецело связывая его с происхождением.

Активно используя понятия «пограничные писатели», «интегрированная ментальность», автор, однако, ни разу не сочла нужным внести необходимое уточнение – что все-таки перед нами: «русскоязычная узбекская / киргизская литература» или «русские писатели»? Первая формулировка ни разу не упомянута в статье, вторая только однажды – в связи с С. Янышевым.

Т. Колмогорова не прибегает к словосочетанию «русская литература вне России», но именно оно вынесено в название беседы с Е. Абдуллаевым, во многом проясняя ситуацию.

На вопрос, «остается ли особая или формируется метисная, композитная русскоязычная среднеазиатская культура», он ответил: «Я не знаю, создается ли. Она была и пока есть»¹.

Очевидно, что «не знаю» и «пока есть» означают не что иное, как отрефлексированную непричастность к литературе «русскоязычной» как всего лишь «композитной».

Русскоязычие может стать дискуссионной проблемой, если подходить к нему с позиции так называемого «лингвистического национализма», – но по сути является возможностью: устоять на ветру истории почти невозможно без жизненно важного расширения читательской аудитории, без выхода за пределы национального канона ради новой креативности.

Речь идет о взаимооткрытии новых возможностей, учитывая тот факт, что русскоязычие возвращает смысл потускневшему и выпавшему из оборота слову «взаимообогащение»: русский язык, находясь в иной национально-культурной семиосфере, не может не вбирать в себя новые краски и смысловые интенции. И национальная литература, оказываясь в сфере прямого действия русского языка, т. е. в расширившемся контексте, не может не обновлять горизонт миропонимания, вовлекаясь в циркуляцию идей и преодолевая комплекс культурного аутсайдерства. В этом контексте русскоязычие – не прерывание или разрыв с традицией, а шанс на ее творческое продление через обращение к речевым формам другого языка.

Внутреннюю диалектичность ситуации точно уловил пишущий на трех языках (русский, немецкий, казахский) Г. Бельгер: «немыслимо развивать родную литературу без родного языка», но «способствовать ее развитию, служить ей можно и с помощью другого языка»².

Факт обращения к русскому языку – не повод для отлучения автора от проблематики самоидентификации, если он ею озабочен, как был, например, перманентно озабочен Ф. Искандер абхазской темой, имплицитно связанной с проблемой неуклонной эрозии традиционных этических ценностей.

Достаточно вспомнить дореволюционный русскоязычный опыт просветителей – от чуваша И. Яковлева, удмурта Г. Верещагина, осетина И. Канукова, ингуша Ч. Ахриева до казаха Ч. Валиханова, – чтобы высказать «крамольную» мысль: при всей неоспоримой важности языка он не является единственным индикатором менталитета и самоидентификации.

¹ Русская литература вне России: борьба с несуществованием или новое рождение? (23.12.2015) gefter.ru/archive/17057

² Бельгер Г. В тенетах стереотипов // Бельгер Г. Помни имя свое: Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. Алматы: Гылым, 1999. С. 85.

Никто и никогда не отлучал М.-Ф. Ахундова от азербайджанской литературы только на том основании, что его поэма «На смерть Пушкина» изначально была написана на персидском, затем он же сделал русский подстрочный перевод и «Московский телеграф» в 1837 г. опубликовал его без купюр как первый перевод на русский, хотя первым поэтическим переводом на русский язык считается перевод его друга А. Бестужева-Марлинского.

В книге М. Чудаковой о русскоязычном лакце Э. Капиеве, изданной в серии ЖЗЛ, его стилевые новации оцениваются в ряду поисков Ю. Олеси, И. Бабея, М. Зощенко, но Э. Капиев при этом неотделим от дагестанской литературы. Невозможно всерьез отделять русскоязычного Ч. Айтматова от киргизской литературы, хотя приходилось слышать и о том, что он не вполне киргизский писатель из-за связи с советской культурой и «языком межнационального общения», в роли которого выступал русский язык. Попытки отлучить О. Сулейменова от казахской литературы, Ф. Искандера от абхазской, Р. Кутуя от татарской заведомо несостоятельны – и это при том, что они действительно привнесли в русскую литературу неповторимую личностную интонацию и узнаваемую «стилевую походку».

При всей значимости инноваций Г. Айги для современной авангардной русской поэзии его также невозможно представить вне чувашских корней. На недавней конференции Центра лингвистических исследований мировой поэзии Института языкознания РАН «Язык и языки поэзии», посвященной 80-летию Г. Айги, был представлен доклад «Чувашезычная и русскоязычная картины мира у Айги» А. Хузангая, в котором прослеживается перекрестная эволюция двух языков в творчестве поэта. Прозвучал также доклад Масанори Гото из Университета Хоккайдо «Не-представление Волги в русских стихотворениях Айги» о принципах концептуализации в русскоязычной и чувашезычной поэзии Айги: для русскоязычной поэзии Айги характерны абстрактные концепты (поле, лес), для чувашезычной поэзии – более конкретные (Волга).

Выделим два взаимосвязанных положения: для национальной литературы нет и не должно быть ничего заведомо чуждого и свободный выбор языка творчества не отменяет проблематизацию идентичности. Вопрос, «как мыслить идентичность», остается в силе, и та же русскоязычная казахская литература нисколько не посягает на национально-культурную субъектность и идентификационную самоактуализацию. Можно разделять тревогу Г. Гачева, «останется ли казахство или растопится, бомбардируемое мощными влияниями»¹, – но лучше отойти от метафоры осажденной крепости, вряд ли проясняющей внутреннюю диалектику и оксюморонность русскоязычного литературного процесса, которая сказывается в сосуществовании национальной идентичности и вненациональной языковой идентичности, этнокультурного кода и лингвокреативного потенциала русского языка.

Понятие «идентичность» подразумевает, считает А. Бадью, два смысла: положительный («я» поддерживает себя своей собственной способностью к различению») и отрицательный («я» защищает себя от порчи со стороны “другого”; оно должно блюсти свою чистоту, работать на очищение»). Идентичность, взятая в диалектике «созидания» и «очищения», вписывается в пространство «великого принципа единства мира». Если признавать их органическую совместимость, то необходимо сделать и следующий шаг: «любой ценой поддерживать все, что по-

¹ Гачев Г. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. С. 281.

зволяет творческой идентичности преобладать над очищающей идентичностью, сознавая при этом, что последняя никогда полностью не исчезнет»¹.

Чрезвычайно важная для каждой национальной литературы идея «творческой идентичности», не сводимая исключительно к этнокультурным константам, нередко ускользает в нынешних разговорах о самоидентификации. Если русскоязычие рассматривать в контексте «развития себя», т. е. под знаком творческой идентичности, то сакраментальный вопрос, может ли национальная литература оставаться национальной, прибегая к инонациональному языку, перестает восприниматься как покушение на святая святых – родной язык. Если же во главу угла поставить противопоставление «другому» как условие этнокультурной самозащиты, то возникает дискурс культурной травмы, синонимически соотносимый с денационализацией, когда переход на другой язык ассоциируется со сломом идентичности.

Концептуальная сила родного языка не то что утрачивается, но становится одним из составляющих существования и выживания национальной литературы в современном мире – малой литературы, по терминологии Ж. Делёза. В его совместной с Ф. Гваттари работе «Кафка: за малую литературу» есть важный нюанс: «малое» есть не только незначимое, вторичное, но может обернуться и вызовом «большому» или миноризацией большой литературы, чреватой уходом или программным оспариванием языка большой литературы². Если верить Википедии, то, «будучи узбеком, Ш. Абдуллаев пишет исключительно на русском языке, который *используется* (курсив наш. – К.С.) им (и другими авторами “ферганской школы”) как язык межкультурного взаимодействия, позволяющий на нейтральной почве развернуть диалог восточного менталитета и западной просодии, противопоставить среднеазиатское и американско-европейское начала, *минуя* (курсив наш. – К.С.) русскую поэтическую (равно как культурную и мыслительную) традицию».

Возрождающийся регионализм, вездесущая транскультуральность, подвижность оппозиции «центр – периферия», культурная гибридность – эти влиятельные тенденции концептуально оспаривают привычное доминирование национального канона, размыкая его границы и стимулируя мобильность национальной литературы, связь которой с «постоянным местом прописки» перестает быть абсолютной. В статье «“Малые и большие литературы” в меняющемся формате истории литературы» Г. Тиханов пишет о транснационализме как противоядии от национального канона, о подозрительных притязаниях национальной литературы «на собственный угол, на небольшой участок особенного», ссылаясь на новую «Оксфордскую историю английской литературы» в 13 томах, два тома которой посвящены периоду после Второй мировой войны: названием одного тома стало «Прощание с Англией», другого – «Интернационализация английской литературы». По мнению Г. Тиханова, данная история литературы «пытается перевести (но не вполне отменяет) изрядно истощенное национальное повествование в то-нальность мультикультурного глобализма»³.

¹ Бадью А. Коммунизм приезжего: афинская лекция. 25.01.2014. gefter.ru/archive/11873

² Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015.

³ Тиханов Г. «Малые и большие литературы» в меняющемся формате истории литературы // Вопросы литературы. 2014 . № 6. С. 267.

Не стоит, однако, переоценивать декларации о прощании и истощенности – суть проблемы не в поминках по английскости, а в напряженной амбивалентности современного национального нарратива, внутренне мотивированной неизбежностью поиска новых форм самовыражения и радикальной трансформацией феномена национальной литературы в современном мире. В этом контексте русскоязычие объективно выступает индикатором открытости национальной литературы, ее приобщения к одному из мировых языков. Великая битва за мир без границ – эта формула с легкой руки З. Баумана стала устойчивой аттестацией глобализации, но не забудем, что акторами этой битвы стали набирающие силу мировые языки, к числу которых, безусловно, относится и русский язык.

Русскоязычный ренессанс заявил о себе в постсоветский период, когда никому ничего не навязывал, когда утратили смысл разговоры на местах о добровольно-принудительном изучении русского языка. Активизация русскоязычной литературной практики за пределами России – самое, может быть, выразительное свидетельство многозначительного несовпадения культурных границ с границами государственными, что само по себе становится проблемой первостепенной важности.

Изучение литературного русскоязычия пока не нашло своего места в системе современного гуманитарного знания: русскоязычная литература уже заявила о себе как явление, но еще не стала предметом серьезной литературоведческой аналитики. Вспоминается книга тридцатилетней давности «Азербайджанская проза на русском языке» Т. Халиловой, но трудно назвать современный труд, ориентированный на предметное изучение интенсивного и внеидеологического расширения сферы литературного русскоязычия на постсоветском пространстве. Превалирует больше увлеченный поиск заветной ниши, куда можно раз и навсегда поместить автора, прибегая, как правило, к зыбким дефинициям; сошлюсь на экстравагантное определение П. Алешковским творчества Ф. Искандера: абхазский писатель, пишущий по-русски на абхазском языке. Достаточно популярным стал тезис, не выдерживающий, на наш взгляд, критики: пишущий на русском языке – русский писатель. Очевидно, что писать на русском вовсе не означает быть русским писателем – сам факт обращения к языку никому и ничего не гарантирует, тем более пропуск в русскую литературу. Сошлемся только на один пример, чтобы не ломиться в открытую дверь: А. Фет – русский поэт не только потому, что писал на русском языке, но прежде всего потому, что был Поэтом, прошедшим школу русской и мировой культуры (вспомним его переводы из А. Шопенгауэра), что само по себе не нуждается в апелляции к тем или иным этническим корням.

Нынешний методологический спрос на описание и осмысление русскоязычных национальных литератур потребует литературоведческого пробуждения таких «спящих» категорий, как «аккультурация», «вариативность», «гибридизация», «культурное пограничье», «единство многообразия», «интерференция», «граница», «трансгрессия»; большей чуткости к вариативности национальных литературных практик и меньшей склонности к категорическим суждениям и полярным позициям: пишущий на русском – русский писатель и с другой стороны – русскоязычие есть не что иное, как форма отчуждения от национальной идентичности или даже разрыва с ней.

ЛИТЕРАТУРА

Колмогорова Т. Этнокультурное своеобразие картины мира // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 260–283.

Русская литература вне России: борьба с несуществованием или новое рождение? (23.12.2015) gefter.ru/archive/17057

Бельгер Г. Помни имя свое: Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. Алматы: Гылым, 1999. 296 с.

Гачев Г. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.

Бадью А. Коммунизм приезжего: афинская лекция. (25.01.2014) gefter.ru/archive/11873

Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 112 с.

Тиханов Г. «Малые и большие литературы» в меняющемся формате истории литературы // Вопросы литературы. 2014. № 6. С. 253–278.

REFERENCES

Kolmogorova T. Ethno-cultural Originality of the World Picture. *Voprosy Literaturny*. 2015. No 1, pp. 260–283.

Russian Literature beyond Russia: Struggle with the Non-existence or the New Birth? (December 23, 2015) gefter.ru/archive/17057

Belger G. (1999) Remember Thy Name: Articles and Speeches on Russian Literature and Culture of the Germans. Almaty. Gylm Publ. 296 p.

Gachev G. (1999) National Images of the World. Eurasia – Cosmos of a Nomad and a Mountaineer. Moscow. Institut DI-DIK Publ. 368 p.

Badiou Alain. The New-comer's Communism: Athenian Lecture. (January 25, 2014) gefter.ru/archive/11873

Deleuze G., Guattari F. (2003) Kafka: Towards a Minor Literature. London. University of Minnesota Press, 2003. 98 p.

Tikhonov G. “Small and Big Literatures” in the Changing Format of the History of Literature. *Voprosy Literaturny*. 2014. No 6, pp. 253–278.

Сведения об авторе:

Казбек Камилович Султанов,

докт. филол. наук

заведующий отделом литератур народов РФ и СНГ

Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,

профессор

филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

Автор более 400 публикаций в российской и зарубежной печати, в том числе семи книг.

Сфера научных интересов: литература и идентичность;

история и методология изучения литератур народов России: поиск новой парадигмы;

«свое – чужое»: рецепция инационального мира как литературоведческая проблема;

«кавказский текст» русской литературы: коммуникативный аспект;

литература и национальное самосознание в эпоху глобализации.

Kazbek K. Sultanov,
Doctor of Philology
Head of Department of Literatures of the Peoples of Russia and CIS
Gorky Institute of World Literature RAS,
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University.

Honored Scientist of the Republic of Dagestan
member of the Writers' Union and the Russian Union of Journalists.

Author of more than 400 publication
in the Russian and foreign press,
including seven books.

Sphere of scientific interests: literature and identity,
history and methodology of the literature of peoples of Russia study;
search for a new paradigm;
«native – alien»: the problem of the perception of the alien world
as an object of literary criticism;
«Caucasian text» of Russian literature:
communicative aspect;
literature and national identity in the era of globalization.